

УДК 94

ББК 633(5Кит414)-6

В.А. Бармин

Алтайский государственный педагогический университет (Барнаул, РФ)

**К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ ПРОВАЛА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
КОМИНТЕРНА ПО СОЗДАНИЮ РЕВОЛЮЦИОННОЙ
ПАРТИИ В СИНЬЦЗЯНЕ В 20-х гг. XX в.***

Статья посвящена актуальному и слабо изученному вопросу, связанному с попытками Коминтерна и части большевистского руководства Советской России создать коммунистическую партию на территории китайской провинции Синьцзян. Сторонники этой идеи планировали, опираясь на созданную партию, революционизировать провинцию. Эти планы столкнулись с противостоянием прагматиков во главе с В.И. Лениным, которые считали, что в сложившихся условиях более выгодным для советского государства является сохранение в регионе власти китайцев и развитие активного торгово-экономического сотрудничества.

Ключевые слова: Синьцзян, революция, Коминтерн, советское государство, коммунистическая партия, национально-освободительное движение.

V.A. Barmin

Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russia)

**THE REASONS OF COMINTERN'S ACTIVITY
FAILURE AT MAKING A REVOLUTIONARY PARTY
AT XINJIANG IN THE 20S OF THE XX CENTURY**

The article is devoted to the topical and underexplored issue connected with the attempts of Comintern and a part of Soviet Bolshevik leadership to make a Communist Party on the territory of Chinese province Xinjiang. The partisans were inclined to revolutionize the province, drawing on the new Party. These plans faced pragmatists' opposition headed by V.I. Lenin who considered the retention of the Chinese power in the region and development of active trade-economic cooperation to be more beneficial for the Soviet state under current conditions.

Key words: Xinjiang, Revolution, Comintern, Soviet State, Communist Party, National Liberation Movement.

---

* Работа выполнена при поддержке РГНФ. Проект №15-31-12023 «Революция 1917 г. в России и «национальный вопрос» (на примере центральноазиатских национальных окраин.)»

Взаимоотношения Советского Союза и китайской провинции Синьцзян в 1920-х и 1930-х гг. при всей своей неоднозначности и противоречивости вполне укладываются в общую канву внешней политики советского государства в первое 20-летие его существования. Долгое время бывший в зоне экономического и политического влияния царской России, Синьцзян уже только в силу одного этого обстоятельства не мог после Октябрьской революции в одночасье порвать все связи со своим могучим соседом. Но, помимо вековых традиций, огромное воздействие на взаимоотношения сторон оказывали объективные причины экономического, социального, этнического и культурного характера. Уже в самом начале взаимоотношений молодого советского государства с Синьцзяном, влияние этих факторов было очевидным. Они сыграли определяющую роль при решении советским руководством альтернативы: революционизировать провинцию, превращать ее в новую социалистическую республику или, сохраняя существующее в ней положение, пользоваться всеми преимуществами тесного экономического сотрудничества. В результате выбор был сделан в пользу последнего варианта, что, как показало время, было исторически оправдано.

Политика России в отношении Синьцзяна и в период царизма и после Октябрьской революции 1917 г. строилась с непременным учетом важнейшего фактора внутривосточной жизни провинции – противостояния коренных народов и китайских властей. Именно это обстоятельство в значительной мере обусловило то, что уже в годы Гражданской войны в России ряд руководителей Коммунистической партии и деятелей Коминтерна стали рассматривать Синьцзян как плацдарм для расширения революционной волны, которая охватила наряду с центральными районами страны и ее среднеазиатские владения, вплотную приблизившись к границам провинции. Одним из наиболее активных проводников идеи экспорта революции, в том

числе и на территорию Синьцзяна, являлся Л.Д. Троцкий, выдвинувший в 1919 г. план похода Красной Армии через территорию провинции на Афганистан и Индию.

Планы Троцкого и его единомышленников остались нереализованными по многим причинам, но в первую очередь потому, что, наряду со сторонниками активного экспорта революции, и в руководстве партии, и в командовании армии молодого советского государства всегда были люди, трезво оценивавшие обстановку, способные просчитать позитивные и негативные последствия такого «экспорта».

Значение, которое придавали Синьцзяну партийные и советские власти с первых лет своего существования, можно проследить по эпизоду, связанному как раз с попыткой активизировать революционное движение на территории провинции и даже создать здесь советские республики.

На заседании Политбюро ЦК РКП(б) 4 июня 1921 г. было рассмотрено «предложение Я.Э. Рудзутака об образовании республик Кашгарской и Джунгарской» в границах территории китайской провинции Синьцзян [1, л. 4]. Предложение возникло после того, как в ходе майско-июньской операции Красной Армии по разгрому белогвардейских частей генерала Бакича на территории провинции «...некоторые революционные группы и организации Синьцзяна, стремившиеся сбросить гнет милитаристов, выдвинули идею создания отдельных Кашгарской и Джунгарской республик». На заседании Политбюро против этого предложения категорически высказался комиссар по иностранным делам Г.В. Чичерин, считавший подобный проект авантюрой. Члены Политбюро, в том числе и В.И. Ленин, после обсуждения вопроса приняли решение: «Согласиться с мнением Чичерина» [1, л. 4]. Однако, судя по дальнейшим событиям, идея переноса революции на территорию Синьцзяна продолжала жить, но вопросом ее реализации в 1920-х гг. занялся Коминтерн.

Как следует из аналитической записки, направленной в Восточный отдел Комин-

терна одним из руководителей революционного союза «Уйгур», студентом Коммунистического университета трудящихся Востока Хаши-Ходжиевым, на территории среднеазиатских республик в 1920-е гг., по приблизительным данным, проживало около 500.000 уйгуров, переселившихся в разное время из Синьцзяна. Около половины из них продолжали оставаться китайскими подданными. В Гражданскую войну многие уйгуры добровольно служили в Красной Армии, при этом «600–700 человек вошли в состав компартии» [2, л. 105]. Кроме того, по сведениям Хаши-Ходжиева, в советских учебных заведениях учились несколько десятков человек разных национальностей, «...которые приехали из Восточного Туркестана». Многие из этих учащихся хотели возвратиться на Родину, чтобы объединить разные национальные организации в Восточном Туркестане в единую народную партию и подготовиться к будущей революции. При этом они рассчитывали, что эта революция будет «...не национальной, а народной» [2, д. 5, л. 14].

В этот же период в Коминтерн поступила еще одна докладная записка, под заголовком «О китайских мусульманах на русско-китайской, афганистанской и индокитайской границах» за подписью китайского коммуниста Ван-Ун-Го [3, л. 53]. Автор сообщал в ней, что «в области русского Туркестана находится 279 000 китайских подданных мусульман. ...Многие из них вступили в Красную Армию и защищали Советскую Россию. Они представляют очень благоприятную почву для пропаганды социальной революции, но к ним нужно подходить со знанием китайских условий» [3, л. 58]. Как видно из содержания этих документов, их авторы расходятся в количестве проживавших в Туркестане китайских мусульман, но едины во мнении, что они являются хорошей средой для пропаганды социалистических идей, которые затем должны быть перенесены на территорию Синьцзяна.

В начале 1920-х гг. при Семиреченском облгоркоме ВКП(б) начала действо-

вать секция уйгурских коммунистов, в которую входили руководители и многие рядовые члены революционных союзов «Уйгур». Эти союзы возникли еще в 1918 г., как «культурно-просветительные кружки». Однако, по заявлению организаторов этого движения, они с самого начала своей деятельности ставили целью «изучение положения уйгур и всякой помощи революционному движению в Цинь-Дзяне» (Синьцзяне. – В.Б.) [3, л. 5]. Уже 1 июня 1921 г., по инициативе Туркбюро Коминтерна, в Ташкенте был проведен I Всетуркестанский съезд уйгурских трудящихся. Съезд принял устав и платформу союза, наметил методы работы среди уйгурских трудящихся, реорганизовал союзы в единый «Революционный союз "Уйгур" Алтышаро-Джунгарских рабочих», определил его задачи и избрал Центральный комитет [4, л. 78].

В сентябре 1922 г. в Алма-Ате были проведены 1-й областной съезд уйгурских коммунистов и 2-й областной съезд Революционного союза «Уйгур». Они избрали и отправили общую делегацию на 4-й конгресс Коминтерна. Всего же к середине 1920-х гг., по имеющимся данным, только в Семиреченской области существовало 50 различных организаций и комсекций, в которые «входило до 1500 партийных уйгур (таранчей, дунган, кашгар)» [5, л. 33]. С этого же времени начинает переходить в практическое русло идея создания революционной партии на территории самого Синьцзяна.

В феврале 1923 г. в Среднеазиатское бюро ЦК РКП(б) поступила развернутая «Докладная записка по уйгурскому (кашгарскому) вопросу» заведующего отделом национальных меньшинств ЦК РКП(б) Туркестана, председателя Краевого бюро уйгурских и дунганских коммунистов, уйгура по национальности А. Розыбакиева. Ее автор среди прочего предлагал конкретный план создания революционной партии на территории Синьцзяна. В частности, он полагал, что необходимо как можно быстрее «...наладить организацию конспиративной работы и связи среди революцион-

ных подпольных организаций за кордоном. Эта работа должна выражаться главным образом в следующем:

а) организационное объединение имеющих там (в Синьцзяне. – В.Б.) здоровых революционных элементов;

б) создание в этой стране единой, революционной централизованной организации».

Завершает свой план А. Розыбакиев предложением «...к осени 1923 г. подготовиться к созыву 1-го нелегального съезда, так, чтобы на этом съезде можно было окончательно объединить, оформить революционную партию всей страны, провести единый устав и программу дальнейшей работы. На этом же съезде нужно создать центральный руководящий орган, подчинив последний влиянию бюро уйгуркомсекции в Туркестане». При этом автор подчеркивает, что «...вся работа должна проводиться под контролем и идейным руководством Среднеазиатского Бюро ЦК РКП(б)» [5, л. 33]. Последнее замечание было весьма важным, так как имевшиеся в Синьцзяне подпольные и полуполигальные организации, которые могли бы в той или иной мере послужить базой для создания революционной партии, были разобщены по национальному признаку, носили очевидную националистическую окраску и ощущали серьезное влияние пантюркизма и панисламизма.

В Бюро внимательно и заинтересованно отнеслись к предложениям А. Розыбакиева. Уже 3 июня 1923 г. по его записке было принято постановление «О работе среди уйгурцев», в пункте первом которого было отмечено: «...признать необходимым проведение работы по подготовке к проведению съезда революционеров Цинь-Дзянской провинции Китая» [6, л. 2]. Вместе с тем, зная о сдержанном отношении Москвы к форсированию революционной работы на территории Синьцзяна и учитывая тот факт, что вопрос касался нелегальной деятельности за рубежом, руководители Среднеазиатского бюро РКП(б) решили практическую реализацию принятого постановления переложить на Коминтерн.

Поэтому в пункте третьем постановления было отмечено: «О дальнейшей работе среди уйгурцев, характере съезда, а также снабжении средствами, поручить т. Рыскулову и Хидыр-Алиеву поставить вопрос в Исполкоме Коминтерна» [6, л. 2].

В Коминтерне постановление Среднеазиатского бюро ЦК ВКП(б) было воспринято как логический и закономерный результат ранее поступавших предложений от отдельных деятелей, коммунистических и революционных организаций. Судя по архивным документам, идея проведения съезда вызвала среди заинтересованных лиц и, прежде всего, сотрудников Коминтерна, работавших в центральноазиатском регионе, активный интерес. Известный деятель этой организации С. Нацов, находившийся в указанный период в Синьцзяне, счел необходимым направить по этому поводу специальное письмо руководителю Восточного секретариата Коминтерна Г. Войтинскому. Хорошо зная ситуацию в Монголии и Синьцзяне и понимая сложность предстоящего мероприятия, С. Нацов, с одной стороны, предлагал не проявлять спешки, а с другой – постарался конкретизировать поставленную задачу. В частности, он писал: «Если данный вопрос разрешится в положительном смысле, то считаю необходимым, с одной стороны, предварительно указать местность, где можно было бы безопасно провести подобный съезд, так как созыв его в пределах Синьцзяна вряд ли удастся, с другой – уполномочить одного ответственного товарища, который провел бы этот съезд. Со своей стороны рекомендовал бы возложить эту работу на тов. Розыбакиева, члена Джетысуйского облакома КПТ».

Определенную помощь в деле создания революционной партии на территории Синьцзяна пытались оказывать монгольские коммунисты, которые вели аналогичную работу среди монгольского населения провинции. Для выполнения поставленной задачи и на территории Туркестана, и в самой провинции была развернута довольно активная работа. Однако в 1923 г., несмотря

на все усилия и даже выделенные «50 тыс. руб... на расходы по проведению съезда», провести его в силу целого ряда причин так и не удалось [6, л. 2]. Отчасти это было связано с тем, что в этот период шла к завершению напряженная работа внешнеполитического ведомства Советской России, направленная на установление дипломатических отношений с Китаем. Вполне понятно, что в этих условиях любые осложнения в переговорном процессе были бы крайне нежелательны. Между тем активизация революционных элементов в Синьцзяне, а они в любом случае сочетались с идеей сепаратизма, могла негативно отразиться на этом переговорном процессе. Но, пожалуй, самой главной причиной в сдерживании «революционного энтузиазма» отдельных партийных деятелей и сотрудников Коминтерна явились хорошо аргументированные и убедительные выступления против «кавалерийской атаки в этом деле» людей, хорошо знавших Синьцзян и четко представлявших себе последствия необдуманных авантюристических действий там.

Уже упоминавшийся С. Нацов, будучи идейным коммунистом, не сомневался в необходимости революционной работы в Синьцзяне. В то же время он, как отмечалось выше, выступал против форсирования этой работы и тем более создания на территории провинции в рассматриваемый период самостоятельного государства. В качестве основных аргументов в подтверждение тезиса о «недопустимости отрыва Синьцзянской провинции от Китайской Республики» С. Нацов выдвигал следующие: «Во-первых, движение, отторгающее целостность Китая, даст предлог Антанте осуществить свою заветную мечту – «установление международного контроля над Китаем, а последнее означало бы полнейшее закабаление Китая международным капиталом. А во-вторых, – считал С. Нацов, – преждевременное и неорганизованное вооруженное выступление туземных народностей Синьцзяна связано с рискованной необходимостью оказания с нашей стороны реальной вооруженной

поддержки, могущей нанести некоторый ущерб в нашей дипломатической работе в общекитайском масштабе: ибо международная дипломатия, бесспорно, воспользуется подобным случаем для антисоветской пропаганды среди китайской общественности» [4, л. 123–124].

Референт Отдела Среднего Востока Народного комиссариата иностранных дел М. Немченко в своей докладной записке в Коминтерн, рассматривая те же вопросы, что и С. Нацов, приходит практически к тем же выводам. Он, между прочим, высказывает убеждение в том, что «...о каком бы то ни было восстании сейчас не может быть и речи. Борьба должна вестись в пределах тех возможностей, которые имеются в Китае» [4, л. 125].

Подобные аналитические записки и, надо полагать, активное сопротивление практических дипломатов и торговых работников, которые были категорически против форсирования революции в Синьцзяне, несмотря на постоянное давление Коминтерна, удержали советское политическое руководство от ряда необдуманных шагов в провинции. И хотя, в адрес Коминтерна в январе 1926 г. поступила новая докладная записка «Национально-освободительное движение в Западном Китае и задачи нашей работы», подготовленная А. Розыбакиевым «от имени своих земляков уйгурцев», необходимого воздействия она не возымела. Очередной план «...усиления революционной работы в провинции, созыва съезда представителей от наиболее здоровых групп революционеров-подпольщиков и создания единой политической партии социалистической ориентации» оказался не востребован. Более того, 17 февраля 1927 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло специальное постановление по организации революционной работы в Синьцзяне. Содержание этого постановления являлось еще одним подтверждением взвешенного подхода руководства при принятии решений в отношении Синьцзяна. В постановлении среди прочих пунктов, в частности, предлагалось:

«а) воздержаться от посылки работников-уйгурцев Восточным отделом ИККИ без согласования персонально кандидатур со среднеазиатским бюро ВКП(б);

б) предложить ОГПУ принять меры к недопуску скупки оружия и переходу вооруженных уйгурцев через нашу границу в Синьцзян;

в) предложить Среднеазиатскому бюро и КАЗкрайкому пересмотреть состав организаторов уйгурских секций, не допуская к работе лиц, причастных к уйгурскому движению в Синьцзяне;

г) поручить НКТоргу с привлечением среднеазиатских организаций наметить мероприятия по оживлению и усилению экономической связи с Синьцзяном;

д) считать совершенно вредным и недопустимым какую-либо деятельность или агитацию в направлении отторжения от

Китая Синьцзяна или части этой провинции» [7, с. 619].

Постановление Политбюро, по существу, ознаменовало собой признание того факта, что взаимоотношения с Синьцзяном, построенные на использовании выгод и преимуществ, которые можно было получить при сохранении целостности Китая и существующего в провинции политического и социального строя, предпочтительнее варианта, связанного с возможным получением тех же выгод, но через революционную войну с непрогнозируемым результатом. Идея революционизирования Синьцзяна с помощью создания на его территории партии социалистического типа была на некоторое время отложена, но не забыта. К этой идее вернутся в середине 1940-х гг., в новых политических и социально-экономических условиях, которые возникнут к тому времени.

Библиографический список

1. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 174.

2. РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 1. Д. 181.

3. РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 1. Д. 3.

4. РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 1. Д. 48.

5. РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 8.

6. РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 1. Д. 56.

7. ВКП(б), Коминтерн и Китай: документы. Т. 2: 1926–1927. М., 1996. Ч. 2. С. 619.